

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Клад

Сибирские рассказы

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Клад

«Public Domain»

1887

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Клад / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain»,
1887 — (Сибирские рассказы)

«В уездном городе Кочетове «Сибирская гостиница» пользовалась плохой репутацией, как притон игроков и сомнительных сибирских «человеков», каких можно встретить только в сибирских трактовых городах, особенно с золотых промыслов. Чистая публика избегала останавливаться в номерах «Сибирской гостиницы», но наворачивались иногда проезжающие, попадавшие в эту трущобу по неведению. Днем в гостинице всегда было тихо, но жизнь закипала по вечерам, и далеко за полночь окна гостиницы светились огнями...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Клад

I

В уездном городе Кочетове «Сибирская гостиница» пользовалась плохой репутацией, как притон игроков и сомнительных сибирских «человеков», каких можно встретить только в сибирских трактовых городах, особенно с золотых промыслов. Чистая публика избегала останавливаться в номерах «Сибирской гостиницы», но навертывались иногда проезжающие, попадавшие в эту трущобу по неведению. Днем в гостинице всегда было тихо, но жизнь закипала по вечерам, и далеко за полночь окна гостиницы светились огнями: темные сибирские люди играли в карты, кутили на чужие деньги и весело хороводились с подозрительными женщинами. Общая зала всегда оставалась пустой – сибирская публика еще не привыкла к трактиру, и только в бильярдной громко шелкали шары, точно открывалась и закрывалась какая-то громадная пасть, лязгавшая вершковыми зубами. Старик-маркер, в войлочных туфлях и длинном дипломате неопределенного цвета, разбитой старческой походкой шмыгал около бильярда и, считая очки, монотонно повторял недовольным тоном:

– Сорок семь и двадцать четыре... двадцать четыре и сорок семь!

Это был мрачный субъект с испитым, желтым лицом и моргавшими серыми глазами. Он часто морщился, потому что простуженные ноги давали себя чувствовать при каждом неловком шаге. Да и руки тоже болели у старика – сказывался старческий ревматизм. Коротко остриженные седые волосы покрывали угловатую голову, точно серебряной щетиной, а когда старик упорно глядел на кого-нибудь своими маленькими глазками – редкий выносил этот волчий взгляд.

– Чего уперся глазами-то, старый черт!.. – ругались самые отпетые бильярдные завсегда-таи.

Старик презрительно улыбался и машинально выкрикивал свои маркерские цифры. Не одну тысячу верст сделал он, ходя около бильярда, а еще в силах и может ответить за любого молодого. Широкая сутулая спина и длинные руки говорили о недюжинной силе, когда-то сидевшей в этом износившемся старом теле; но что было, то прошло, а теперь старый маркер все ходил около своего бильярда, как манекен. Прислуга в гостинице не любила его за неуживчивый нрав, но хозяин его держал как ловкого человека на всякий случай – он и из беды выручит и других не выдаст. Вообще серьезный был старик, выдавший виды, не то что остальная трактирная прислуга, набранная с бору да с сосенки. Звали старика Галанцем – эту кличку он принес с собой в Сибирь из Расеи. Кто он такой и откуда – никто не знал, да никто и не интересовался: просто маркер Галанец – и все тут. Только когда старика сердили, он говорил:

– Эх, вы, варнаки сибирские!..

– А ты как в Сибирь попал, дедка?

– Я? Я – другое... Я по своему делу попал, а не по кнуту. Помирать в Расею пойду...

Надоело мне и глядеть-то на вас, варнаков.

После каждого такого объяснения Галанец делался особенно мрачен и ходил около своего бильярда темнее ночи. Разве они, холуи, могут что понимать? Он, Галанец, с полковниками в аглецком клубе играл... да. Меньше полковника туда и хода не было, а это что за публика, и публика холуйская, и прислуга тоже. Никакого обращения не понимает, потому что настоящего никто и не видал. Эх, кабы ноги Галанцу да прежний вострый глаз, бросил бы он давно эту немшоную Сибирь!.. Так, видно, на роду было написано, чтобы с холуями валандаться... От судьбы не уйдешь. Своих гостей старик презирал от всего сердца: разве это настоящие гос-

пода, – так, шантрапа разная набралась. Каждый норовит на грош да пошире – одним словом, варнацкая публика.

Тускло горят лампы в бильярдной. В буфете стенные часы пробили одиннадцать. Галанец ходит с машинкой в руках чуть не с обеда. Ноги у него сегодня особенно ноют – чувят, видно, ненастье старые кости. На беду игроки навязались неугомонные: Вася и проезжий адвокат. Оба играют хорошо, но Галанец следит за игрой с презрительной улыбкой: разве так играют?

– Смотри, распухнет шар-то! – дразнит адвокат Васю.

Вася надувается, краснеет и, выцелив шар кием, делает промах. Каждая неудача заставляет его отплеываться. Он в смятой крахмальной рубашке и потертом пиджаке, на ногах туфли, как и у маркера, – барыня, значит, осердилась и арестовала сапоги. Молодое, румяное лицо Васи хмурится, и он сердито взмахивает своей шапкой белокурых кудрей. Этот Вася настоящий мучитель для Галанца: как свяжется с кем играть, так и не уйдет, пока огней не погасят. И зачем только живет человек в «Сибирской гостинице»? Приехал с какой-то барыней да и околачивается третью неделю, а прислуга шу-шу, шу-шу... Оказалось, что Вася состоит при барыне аманом и чуть что напроказит, она сапоги с него снимет, а потом не велит обеда подавать. Сама запрется в своем номере и на глаза его не пускает. Целый день так-то Вася и перебивается в бильярдной, а прислуга смеется над ним же.

– Что, Вася, ножки, видно, заболели?..

– А ну вас к черту! – огрызается он. – Я вот ее задушу, тогда узнает, какой я человек... А сапоги – плевать. В туфлях еще свободнее.

Прислуга смеется, а Вася как ни в чем не бывало только башкой трясет, как хороший коренник. Барыня держала его в ежовых рукавицах. Да и было кому держать: высокая, здоровая, как есть в настоящем соку. Из номера она редко показывалась, и то больше по вечерам. Наверно, убежала от мужа с молодцом да и гарцует в свою бабью волю – так решила номерная прислуга. Мало ли народу околачивается в номерах – всякие и барыни бывают. Вася унижался до того, что выпрашивал у швейцара сапоги, а у официантов занимал по двугривенному.

Итак, Вася играет с адвокатом. Сначала он проигрывал, но, затянув партнера, кончил партию несколькими ударами, как делают ярмарочные жулики.

– Не вредно, – похвалил Галанец, прищуривая от удовольствия глаза. – Ловко сыграно.

– А ты как меня понимаешь, Галанец? – хвастался счастливый успехом Вася. – Не смотри, что я в туфлях сегодня... Тебе дам десять очков вперед.

– Подавишься...

– Я? Давай, сейчас намочу тебе хвост, старому черту...

Проигравшийся адвокат был рад отвязаться от партнера и тоже принялся поджигать старого маркера. Положим, этот адвокат был прохвост и, проживая в гостинице, занимался больше всего обыгрыванием захмелевших купеческих сынков, но старому Галанцу показалось обидно, что над ним смеются такие прохвосты, – они задели его за живое место. «Ах вы... шильники!» – ругался старик, молча выбирая кий. Он редко играл, но теперь нельзя было отказать.

– Если обыграешь Ваську, закладываю рубль, – поощрял адвокат, усаживаясь на диван. – Да нет, где тебе, Галанец...

– Я могу даже закрыть левый глаз, – хвастался Вася, выпячивая грудь колесом. – С одним правым глазом буду играть.

– Ах вы, шильники!.. – ругался Галанец, размахивая кием. – Да я в аглецком клубе играл в Петербурге... с полковниками... Там меньше полковника не полагается, а не то чтобы какая-нибудь шантрапа. Чему смеетесь, желторотые!

Рассерженный Галанец сначала сделал несколько промахов, но потом успокоился и кончил партию с треском, как играют только старые маркеры. Вторую партию он кончил почти «с кия», не давая партнерудохнуть.

– Ах, ты... сахар!.. – ругался Вася, разбитый в пух и прах.

В это время Галанец только хотел сделать шара, но остановился, посмотрел на Васю сбоку и спросил:

– Как вы сказали, сударь?

– Я говорю: сахар...

У Галанца задрожал в руке кий. Он еще раз посмотрел на Васю и уже вполголоса прибавил:

– Карпу-то Лукичу сынком приходиться?..

– А ты почему знаешь?

– Да поговорка-то ихняя... Помилуйте, как мне-то этакое слова не знать? То-то я все присматриваюсь к вам: лицо знакомое, а узнать не могу. А вот поговорку-то узнал...

Вася был сконфужен этим открытием и только таращил глаза на маркера.

– Ну, что же вы остановились? – спрашивал адвокат.

– Не могу... устал... – бормотал Галанец, бросая кий.

II

Ночью в каморке Галанца долго светился огонь. Каморка была крошечная, как нора, где-то под лестницей в номера, но все-таки свой угол, где сам большой, сам маленький. В углу на столе горела дешевая жестяная лампочка, и тут же стояла бутылка с водкой. Вася сидел на стуле, облокотившись руками на стол, а Галанец кружился по комнате.

– А про Поцелуиху слышали? – спрашивал старик.

– Это где клад-то?

– Шш!.. – зашипел старик, поднимая руку. – Что вы, Василий Карпыч, еще, пожалуй, услышат... Не таковское это дело, сударь.

Вася засмеялся и махнул рукой. Это движение обидело старика, но это было минутное чувство, которое сейчас же сменилось чем-то таким любовным и ласковым... Галанец все смотрел на него, вздыхал и время от времени повторял:

– Эх, Василий Карпыч... а?.. Вася... Ведь еще малюточкой, можно сказать, на руках тебя нашивал, и вдруг... Эх, Вася, Вася, нехорошо! Так нехорошо, что и не выговоришь... Какое уж это занятие – в аманах при барыне состоять! Наши-то холуи зубы моют-моют, даже со стороны тошно слушать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.